

Геннадий Киселев

ЖИЗНЬ ВРАЧА ПОСОЛЬСТВА

Геннадий Киселев

Жизнь врача посольства

«ИТРК»

2019

УДК 82-14
ББК 84(Рос=Рус)6-5

Киселев Г. В.

Жизнь врача посольства / Г. В. Киселев — «ИТРК», 2019

ISBN 978-5-88010-638-7

Представленная книга во многом автобиографична. В нее вошли рассказы и стихи, отобранные автором и объединенные одной темой, послужившей названием данного сборника. Книга неоднородна, здесь и ранние рассказы, и стихи, рожденные событиями давно минувших лет. Это отражение прошлого XX века, отголоски мирных и военных событий того времени. В тексте пойдет речь о трудном, но таком прекрасном детстве, юности и зрелости. Автор побывал во многих горячих точках мира, работая хирургом в посольстве Республики Нигер, он спасал людей от малярии, полиомиелита, делая операции практически в полевых условиях. Работал он также в Париже, в Марокко, в Швейцарии, куда только ни забрасывала его судьба. Книга будет интересна всем читателям и любителям путешествий.

УДК 82-14
ББК 84(Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-88010-638-7

© Киселев Г. В., 2019
© ИТРК, 2019

Содержание

Благословенная Калужская земля	6
Детство	6
Нил	12
Отчим	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Геннадий Киселев **Жизнь врача посольства**

Благословенная Калужская земля

Детство

Лето 1947 года, когда я начал отчетливо вспоминать жизнь и быт в деревне Калужской области из рассказов бабушки.

В деревне еще оставались следы боев, вымощенные стволами деревьев дороги, глубокие следы от танков на полях, как незаживающие раны. Наша армия наступала, освобождая родную землю от фашистов, прокладывая дороги по бездорожью. В Калужской области глиноземы даже танки не могут пройти весной и осенью, поэтому наша армия устилала дороги стволами деревьев из соседних лесов и перелесков. Немцы могли передвигаться по нашим глиноземам, когда окрепнет земля. Перед тем как немцы вошли в деревню, был налет на мост через речушку и на районный центр Бабынино. В деревне две бомбы упали рядом с мостом, не повредив его. В райцентре в начале войны построили бомбоубежище, дверь на входе в убежище не покрасили, она так и оставалась белой, из струганых досок. Бомба, упавшая рядом, засыпала бомбоубежище, где среди погибших была и моя тетя Люба, было ей восемнадцать лет.

Во время налета на нашу деревню мама с бабушкой спрятались под печку, меня не успели схватить с собой, увернулся. Во время налета я стоял на лавке у окна и кричал: «Нема гад!» Потом долгие годы родные вспоминали о моем «подвиге». Мама часто рассказывала, как немцы вошли в нашу деревню в январе 1942 года. Передовой отряд немцев был расквартирован по всей деревне. Мама только родила младшего брата и после родов лежала в маленькой комнате, закрывшись вместе с бабушкой и мной от немцев. В наш большой кирпичный дом въехал офицер. Со слов бабушки, в деревне немцы вели себя интеллигентно: грубых слов и никаких силовых действий к жителям деревни не применяли. В деревне немцы были один месяц, как вдруг рано утром налетели наши лыжники с автоматами, из передового отряда сибирской дивизии. Немцы бежали, бросив машины и прочую технику, даже своих овчарок бросили. Так закончилась для нашей деревни оккупация. А война продолжалась еще долгие три года. Отголоски войны, горе и слезы только начинались. Уже летом 1942 года пошли похоронки и стали возвращаться израненные солдаты. На нашего папу ничего не приходило, даже писем от него не было.

Младший брат родился в январе 1942 года, а мне тогда был всего один год. Так мама осталась одна с двумя детьми и нашей бабушкой. Все хозяйство легло на плечи бабушки, мама работала начальником почтового отделения села Сабуровщино, в штате почты были два почтальона, тоже женщины. Почтальоны часто болели, и маме приходилось самой разносить почту по деревням, поэтому дома мы ее видели нечасто. Во время войны это была самая ответственная работа в деревне. Получали и отправляли письма на фронт ежедневно, ежеминутно переживали за наших солдат, сражающихся в смертельных боях такой страшной войны. Утешали вдов, вытирая слезы детям, когда каждый день над деревней плачь и горе. И нет весточки от нашего папы и мужа.

Начиная рассказ о бабушке по маме, Анне Михайловне Варфоломеевой, всегда вспоминаю о бабушке по папе, Марии Федотовне Киселевой. Анна Михайловна воспитывала нас со дня рождения, помогая маме, и мы жили у нее в большом кирпичном доме рядом с трактом, как говорили местные жители. Бабушка Мария Федотовна жила в дальней, по тем временам, деревне Волковское, в глуши, откуда трудно к нам приехать, как объясняли домашние. В пятилетнем возрасте четко вижу наш большой дом с огромными тополями перед окнами, зеленым лугом с правой стороны дома, а слева – речка Безвелка. Утром играем с братом на солнышке около дома и видим: от стада коров идет к нам наша Зорька. Кричим:

– Бабушка, бабушка, Зорька пришла!

Зорькой нашу коровку звали все в семье и даже соседи. У нее был добрый характер, несмотря на большие рога, белая звездочка на лбу. Она подходила к нам и большим влажным языком лизала руки. Мы гладили ее, приговаривая: «Зорька, кормилица наша».

Из дома выходила бабушка со словами: «Зорька, кормилица наша, нам молочка принесла». Уходила с Зорькой во двор, мыла Зорьке вымя и начинала доить. Мы с братом стояли, смотрели и слушали, как тугие струи молока звенели о цинковое ведро. Набрав почти полное ведро молока, бабушка уходила в дом и через некоторое время звала нас: «Ребята, идите пить теплое молоко, Зорька принесла». Наливала нам по полной кружке, и мы пили молоко, не переводя дыхания, – «быком», как говорила бабушка. Напившись молока, убегали играть с соседскими ребятами. До самого обеда играли с мальчишками в городки, в футбол, гоняли найденный кем-то рваный мяч. Иногда убегали в поле, где собирали щавель, землянику, в изобилии растущую по оврагам. В то голодное время это были единственные витамины для детей. Самое лучшее занятие было на берегу нашей речушки, где водились пескари, плотва, скользкие гольцы. Взрослые ребята, лет тринадцати, ловили щурят под корягами, ныряя за ними. Мы с восхищением смотрели на ныряющих ребят, шлепая по отмели босыми ногами, пытаясь поймать мелкую рыбешку. Конечно, поймать ничего не удавалось, но азарт, шум и брызги укрепляли детский организм, и к осени все ребята были крепкими, загорелыми и жизнерадостными. Деревенская речушка была неопасна для детей любого возраста. Но сколько таинств и неизвестности она хранила! Причем родители спокойно отпускали детей на речку, в лес и поля, где они приучались к самостоятельности. А сколько потом рассказывали оключениях в лесу и на речке!

Леса в Калужской области смешанные, светлые: березы, орешник, осина, дуб. В конце августа поспевают орехи, дети ежедневно собирали их, складывали в деревянные ящики, чтобы очистились от зеленой рубашки, и через месяц уже можно щелкать орехи. Хвастались друг перед другом, кто сколько сегодня набрал орехов, каждый день килограмма по три приносили. Родителям было не до орехов – тяжелый крестьянский труд с утра до вечера, с весны до глубокой осени, такой «конвейер» в деревне не остановить. Ребята постарше помогали родителям: косили, скирдовали сено и солому в огромные скирды, величиной с двухэтажный дом. Работали помощниками на комбайнах, даже не думали, что зарабатывают трудовни. День отработал – родителям бригадир запишет один трудовень. Осенью на эти трудовни выдавали зерно и небольшие деньги, зерно осенью отвозили с родителями на мельницы, из муки пекли хлеб, делали лапшу, пельмени. В магазине в те годы продавали пряники да леденцы, иногда привозили ржавую селедку в бочках да водку. Праздники летом отмечали редко, надо было спешить убрать сено между дождями, скосить и убрать зерновые, осенью – картофель. Троица – основной летний праздник, вот тогда отдыхали всем районом, обычно в лесу. Леса вокруг деревни назывались по-разному: Сеча – место, где русские войска сражались с войском хана Мамай. Поваляево – место, где лес уничтожил страшный ураган; Забугришки, это понятно, – лес за бугром, окраиной деревни; Закаюшки – небольшой лес на краю оврага, заросший осиною и орешником, в двухстах метрах от деревни. Кто и когда дал названия этим небольшим лесам, неизвестно, лишь в памяти народа сохранились объяснения таким названиям.

Мама во время завтрака, еще в начале июня, нам сказала:

– Ребята, в сентябре пойдете в школу, вы не разлей вода, пойдете в первый класс вместе.

Летом 1947 года бабушка и мама начали готовить нас с братом к школе – читали, писали, учили стихотворения, готовили школьную форму. Особенно старалась и хлопотала бабушка, примеряя нам одежду: на каждое время года, для посещения школы, для прогулок после школы. Измучив нас примерками, бабушка ставила самовар, усаживала нас за стол на веранде, и мы пили чай с вишневым вареньем из блюдечек. Летнее солнце едва просвечивало через беседку, увитую хмелем. Мы с братом, дуя на блюдечко с горячим чаем, слушали бабушкины

рассказы. Она много говорила о нашем дедушке, которого после революции сослали в Астрахань. Что с ним там случилось, бабушке было неизвестно. За что с ним так поступили, об этом нам коротко сказали соседские ребята:

– Ваш дед был кулаком.

Мы приставали к бабушке с вопросами:

– Бабушка, что такое кулак? Он что, был врагом народа?

Бабушка начинала свой рассказ:

– Вот вы, малые дети, остались без отца, так же ваша мама и дядя Нил остались у меня на руках без кормильца. Сейчас прошла страшная война, а тогда была страшная революция, когда русские люди убивали друг друга. Вы остались без отца, потому что немцы хотели уничтожить Россию, а в революцию немцы натравили русских людей друг на друга, чтобы захватить Россию. Вот мы сейчас пьем чай на веранде, а если бы наши войска их не прогнали, то они сидели бы пили чай, а вас угнали бы в рабство.

Бабушка продолжала рассказывать, как они жили до революции. Дедушка владел небольшим магазинчиком, продающим пряники и леденцы. Магазин, постоянный двор и наш кирпичный дом рядом с трактом, где ямщики отдыхали и меняли лошадей.

– Жили не тужили, – вспоминая счастливую жизнь, продолжала бабушка. – Но пришла революция и разрушила счастливую жизнь. Осталась я одна с двумя малыми детьми, как и сейчас после страшной войны остались я и ваша мама. История повторяет свое неумолимое разрушение городов и народа России. Вот и люди, захватившие власть в России, после революции не понимали, что разрушают Родину, объявляя кулаками людей, которые много работали, а не бездельничали, не пьянствовали.

Мы пообещали бабушке, что будем стараться хорошо учиться.

А бабушка продолжала:

– Кое-как перебивалась, меняла вещи, мебель на продукты, для того чтобы вырастить и обучить вашу маму и дядю Нила. Хорошо, что ваш дедушка Петр был трудолюбивый, оставил небольшие сбережения, вот на них и пришлось выживать. Когда уже не могла терпеть несправедливости и притеснений местных властей, написала письмо Марии Ильиничне Ульяновой. Читала из газет, что она помогает людям в восстановлении справедливости. Весной 1930 года дети Варя и Нил играют во дворе, и тут к дому подъезжает большой черный автомобиль, из которого выходят люди и спрашивают: «Покажите, дети, ваше имение, сколько у вас лошадей, коров?» Самая бойкая Варя отвечает: «У нас есть одна коровка, красавица и кормилица наша – Зорька, а имения у нас никакого нет».

Пожали люди плечами, поблагодарили детей и пошли в дом к бабушке. После их отъезда около дома стали собираться соседи и спрашивать у бабушки, кто и зачем приезжал. Бабушка объяснила, что приезжал секретарь Марии Ильиничны Ульяновой – Кагарлицкий. Соседи расходились, восхищенно перешептываясь:

– Ну и Анна Михайловна! Нашла управу даже на нашего председателя сельского совета, а может быть, и на районную власть.

После приезда делегации от Марии Ильиничны Ульяновой бабушку больше никто не обижал. Она продолжала работать в магазине, продавая баранки и леденцы. Женщины, воспитанные и жившие в царской России, абсолютно другие по характеру, чем женщины, жившие после Октябрьской революции. Очевидно, церковь с детских лет формирует у людей почитание и доброе, сердечное отношение друг к другу. Совсем другие по характеру и поведению были женщины, воспитанные Октябрьской революцией, Гражданской войной, а затем Великой Отечественной войной. Они всегда спешили, как бы хотели объять своей энергией, данной им революцией, все и сразу.

Вспоминаю маму, красивую, стройную, в легком крепдешиновом платье, с группой парней, пришедших с войны, израненных, но, слава богу, живых. Они сажали молодые яблони

или мчались в кузове грузовика, держась за кабину, с песнями, смехом пролетая мимо нашего дома. Немцы за месяц оккупации нашей деревни спалили все яблоневые сады, спасаясь от морозов. Молодежи приходилось заново сажать и выращивать сады и деревья, уничтоженные фашистами. Радость витала над деревней. Победа! Вернулись живыми, побывав в аду. Так выработывался характер у молодежи – на субботниках, всевозможных собраниях, вечерах в клубах. Можно сказать, характер комсомольско-коммунистический. Могли женщины, воспитанные революцией, Гражданской войной и Великой Отечественной, так же пить чай из блюдец, как наша бабушка Анна Михайловна Варфоломеева?

А мы с бабушкой продолжали пить чай с вишневым вареньем и слушали ее рассказы. Сейчас и представить сложно, какие праздники были в деревнях зимой и летом. Даже в крепенский мороз нас с братом бабушка одевала теплее, и мы ходили по соседям Христа славить: «С хозяина пятачок, с хозяйюшки пирожок». Добрые улыбки и восторженный смех в темноте раннего морозного утра. «А какой колокольный звон над селами...» – рассказывала бабушка.

Село Сабуровщино примыкало к селу Сергеево, и в каждом селе была своя церковь, расстояние между ними – около двух километров. В каждом селе отмечались свои праздники. Такие церковные праздники сплывали, делали терпимее и уважительнее друг к другу в семье и к соседям. Услышав колокольный звон, крестьяне знали – все жители в деревне настроены на мелодию колокола. Мелодии на разные праздники различные, люди чувствовали, радоваться, печалиться или собираться на сход. В селе Сабуровщино церковь Покрова Пресвятой Богородицы была построена в 1785 году, по вдохновению княжны Марии Александровны Долгорукой. После революции с лозунгами «Религия – опиум для народа» начали разрушать церковь. Вначале сняли колокола, растащили и уничтожили все иконы. Церковь десятилетиями стояла заброшенная, загаженная голубями, с огромным амбарным замком на дверях. Вначале в ней был колхозный склад, после войны пытались запустить цех по производству лимонада. Дети проникали в нее через окна и проводили там время в играх и прятках. Забирались до самой вершины колокольни по еще сохранившимся лестницам. Оттуда открывался прекрасный вид на деревню: зеленые луга и поля, вдалеке опушка леса, наша маленькая речушка, пасущиеся колхозные стада. Долго стояли, очарованные таким видом земли нашей. Ходили, бегали по этим лугам, лесам, купались в нашей речушке, не замечая и не задумываясь о том, какая она, наша земля.

– Ребята, посмотрите, да это кино, которое мы видели в клубе!

Все дети, разного возраста, собрались на колокольне, прижавшись друг к другу, не проронив ни слова, долго стояли молча. Пока Виктор Пахомов не произнес:

– Смотрите, там вдалеке по тракту пылит машина.

Мы очнулись, будто ото сна, и начали мечтать: вот изобрести бы крылья, чтобы летать с колокольни, как птицы.

Часто потом забирались на колокольню, но уже такие виды нашей природы стали не так остро восприниматься, как в первый раз из окна колокольни. Да и после наших рассказов родители получили выговор, чтобы больше мы туда не забирались. А потом вершину колокольни снесли и сделали из нее начальную школу, как бы приземлили.

Не только для нашей бабушки Анны Михайловны, но и для всего села уважение друг к другу, доброта к окружающему миру выработывались с детских лет семьей и церковью. Генетически у людей еще оставалась модель поведения из царской России, но уже начала выработываться модель другого поведения и внешнего облика – красных косынок, кожаных курток, сумок через плечо и прочего.

Как-то бабушка сказала:

– Завтра мы поедем в гости в село Волковское, к вашему дедушке – отцу погибшего папы. Вечером мы с братом долго не могли уснуть, шептались, как же мы поедем и на чем.

Утром бабушка нас разбудила:

– Ребята, вставайте умываться, идите завтракать и поедем в гости, лошадка уже готова.

Летнее утро, солнце еще не высоко, немного прохладно. Рядом с домом стоит лошадка, запряженная в телегу, наполненную душистым сеном. И мы поехали.

– Ехать нам долго, – говорит бабушка, – около 20 километров. Там нас будут ждать бабушка Мария Федотовна и дедушка Яков Александрович.

– Здорово! Вот покатаемся! – восторженно говорим друг другу.

– Покатаемся, – отвечает бабушка. – Только лошадка молодая, с озорным характером.

По проселочной дороге лошадь весело бежала, помахивая хвостом. Нам интересно было смотреть на поля с колосющимися овсом и рожью, прохладу темного леса. Иногда проезжали небольшие овраги, наша лошадка спокойно проходила через небольшие ручьи, озорно поглядывая на нас. Нам казалось, что она будто бы хочет сказать: смотрите, ребята, какая я смелая и сильная. Мы с восхищением смотрели, какая ладная лошадка, какую красивую сбрую одела на нее бабушка. Но самым завораживающим для нас было то, как красиво пел колокольчик под дугой, вначале мы и не заметили, как он звенит. Зато, когда проезжали в тишине темного леса, где стволы дубов склонялись над нашими головами, мы слышали музыку колокольчика, которая потом звучала у нас в голове долгие годы. А эту поездку с бабушкой мы запомнили на всю жизнь.

И вот село Волковское, где натерпелись мы страха. Бабушка остановила лошадь на вершине огромного оврага, откуда открывается вид на село с садами, деревенской улицей, заросшей огромными раkitами.

– Теперь крепко держитесь! – не успела сказать бабушка, как лошадь понеслась.

Телегу подбрасывало то вверх, то она как бы проваливалась вниз. Мы падали друг на друга и едва не вылетали из телеги, бабушка крепко держала вожжи, пытаясь немного урезонить лошадь. Но она испуганно неслась вниз оврага, казалось, не будет конца этой страшной скачке. Мы крепко держались за борта телеги. И наконец тишина – лошадь остановилась.

Бабушка перекрестилась и сказала:

– Бог помог!

Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы села Волковское был построен в 1802 году, по вдохновению помещицы Анастасии Петровны Юшковой. Как потом рассказывал дедушка Яков, церковь разграбили и разрушили в 1937-м. Церковь, как живая, сопротивлялась. Ее ломали тяжелыми тракторами, но остов остался на долгие годы, он и сейчас стоит как памятник неистребимости России.

И вот мы подъезжаем к огромному бревенчатому дому, нас встречает дедушка Яков, с огромной седой бородой, высоченного роста, и маленькая бабушка, Мария. Они простые люди, не то что мы, «кулаки», как потом говорила бабушка. Дедушка Яков был плотником, рубил дома по всей Калужской области. «Золотые руки!» – позже рассказывала бабушка.

Дедушка Яков повел нас знакомить с домом и начал со двора. Огромный двор: сарай с сеном, скотный двор, где раньше стояли три лошади и пять коров. Остались корова и большой бычок. Чтобы не причислили к кулакам, пришлось отдать коров и лошадей за бесценно деревенским жителям, из которых потом организовали колхоз, хотя многие из них были лентяями и пьяницами – так объяснил дед Яков, показывая на пустующий скотный двор.

Дальше он повел в свой огромный дом. Просторная прихожая, где висели на стенах конские хомуты, аккуратно собранные вожжи и уздечки, которые готовил дед каждую весну и отдавал в колхоз. Пучки всевозможных лекарственных трав, которые собирали бабушка Мария с детьми и няня. Многочисленный плотницкий инструмент: топоры, пилы, всевозможные стамески.

– Мое богатство, – объяснил дедушка, потирая огромные руки со жгутами вен.

Дед открывает массивную дубовую дверь на кухню и справа, при входе, видна огромная белая русская печь. На самом верху, на печи, поглядывала на нас старушка с худеньким лицом.

Около печи стояла деревянная бочка для кваса с черпаком. Бабушка Мария объясняет нашей бабушке, что это няня, она помогала ухаживать за детьми, которых у Киселевых было двенадцать, и еще одного беспризорного мальчика взяли. Теперь же она заболела и излечивается на печи.

Жили они в достатке, в магазине покупали только соль, сахар, обувь и одежду. Молоко, молочные продукты, мясо, овощи – все свое. Гуси, куры исправно несли яйца. Животные и птица никогда не болели, деревня расположена далеко от дорог. Так из года в год, до самой революции.

Пришла революция, и жизнь в деревне остановилась. Как сказал дед Яков, будто Мамай прошел. Обидно чувствовать себя обиженным и бессильным. Но что мог сделать плотник? Как спасти разрушенное хозяйство? Да и детей не осталось. Четыре сына погибли на войне, защищая Россию, три сына подались в Москву, пять дочерей разъехались в поисках счастья по России.

Далее мы проследовали в горницу: огромные дубовые широченные лавки, деревянный пол, сверкающий от солнечных лучей, проникающих через окно, огромный стол из толстых, гладких досок. Пообедали, поговорили о жизни, о детях и внуках, и наша бабушка засобира-лась домой.

– Остались бы ночевать, – предлагает бабушка Мария.

Наша бабушка отвечает:

– Летний день длинный – успеем доехать до вечера.

На дороге предложил дедушка Яков кваску из бочки. Мы с братом, хлебнув кваску, долго морщились и фыркали.

– Бабушка Мария, да это у вас настоящий лимонад, даже в носу щиплет, – сказали мы восторженно бабушке.

Дедушка рассказывает, как он готовит квас. Оказывается, все очень просто: бабушка Мария печет хлеб, остающиеся после еды корки бросает в бочку с родниковой водой – вот вам и квас. Долго две бабушки и дедушка Яков говорили о детях, пропавших без вести и погибших во время войны, оставшихся детях и внуках.

Бабушка Мария охала и вздыхала:

– Как же теперь без церквей жить будем? Ведь вырастут дети антихристами!

– Да, – согласился дедушка, – очень тяжелые времена наступают, никто не знает, что будет с Рассеей.

Так дед всегда употреблял название страны, в которой родился, вырос и живет. Поправлять его не было смысла, так в деревне Волковское говорили все. Бабушка Анна Михайловна долго потом восхищалась творчеством и умением крестьян в глухой калужской деревне. И поехали мы в обратный путь. Колокольчик под дугой уже просто позванивал, не напевая никакой песни. От впечатлений и дальней поездки мы устали и клевали носом, а бабушка, закрыв нас одеялом, продолжала управлять лошадкой. Проснувшись от тряски, мы увидели маму, стоявшую со скрещенными руками около дома.

Мама журила бабушку:

– Я уже заждалась вас, вся извелась, думая, как бы чего не случилось с вами в дороге.

Бабушка отвечала:

– Ну что с нами могло случиться? Лошадь надежная, телега новая, сиди да управляй, ребята послушные.

Мы поддакнули:

– Да, мама, мы совсем не устали, много интересного видели по дороге, даже зайца видели.

– Хорошо. Ужинать и спать, – сказала мама и повела нас в дом.

Нил

На кухне за столом сидел наш дядя, Нил Петрович, копался в старинных часах:

– Вот и ребята приехали, идите посмотрите, что у меня за часы такие.

– Дядя Нил, а эта птичка для чего?

– А это кукушка, она будет каждый час выходить в окошко и куковать. Вот чиню, немецкие солдаты сломали, не понравилась им кукушка – она куковала, объявляя, сколько им дней жить оставалось.

Вошла мама:

– Нил, завтра им покажешь, кто и как кукует. А сейчас ужинать и спать.

Выпив по кружке молока с хлебом, мы пошли спать. Долго не могли уснуть, вспоминая поездку, деревню Волковское и часы с кукушкой. Брат долго расспрашивал меня, почему ни одного волка не видели по дороге, только заяц пробегал.

– А вот почему – ты всю дорогу сидел и молчал, – сказал ему я и уснул.

Утром, проснувшись от звуков кукушки, я разбудил брата:

– Вася, вставай, кукушка прилетела.

Вместе побежали смотреть, где же кукушка. Оказалось, дядя Нил, собирая часы, не отключил кукушку.

– Ох, ребята, я вас разбудил, простите меня.

Мы с братом восхищались дядей Нилом и говорили друг другу, какой добрый и умный у нас дядя:

– Помнишь, мы с тобой порезали немецкий противогаз? А он нас не наказал.

Правда, однажды, когда я из рогатки разбил стекло в столовой, где сидели фронтовики, меня закрыли в маленькой комнате, где во время войны прятались от немцев. На мою беду на подоконнике остывали две тарелки с фруктовым сахаром, для гостей к чаю. После войны было плохо не только с хлебом, но и с конфетами, которые таким образом готовили сами. От долгого заключения в этой комнате мне стало тоскливо и скучно, за стеной я слышал, как фронтовики пели военные песни, веселый смех. Обида овладела мной. Увидев на подоконнике розовое содержимое в тарелке, отломил кусочек. Вкус сладкого, ароматного сахара меня восхитил, и, прохаживаясь по комнате, я отламывал понемножку, кусочек за кусочком, и не услышал, как в комнату вошел дядя Нил.

– Гена, нехорошо без разрешения употреблять предназначенные для гостей сладости.

– Дядя Нил, – дрожащим голосом пролепетал я, – мне казалось, что это для детей приготовили.

– Даже если для детей, то употреблять столько сладкого, сколько ты съел, опасно, может живот заболеть, – сказал дядя Нил и шагнул в мою сторону.

Испугавшись, я нырнул под кровать и там затих. Дядя Нил, немного подождя, начал просить меня выйти. Я молчал, прислушиваясь, куда он пойдет. А он, спокойно прихрамывая, пошел в другую комнату к гостям. Побоявшись выйти, стгорая от стыда, я продолжал лежать под кроватью. А дядя Нил как бы забыл про меня, и только его голос выделялся среди гостей. Вот там, под кроватью, я представил себе, как дядя лейтенант – политрук – поднимал свою роту в атаку. Вздрагивал от резкой команды «В атаку, вперед!». Такая команда повторялась неоднократно, после нее наступала тишина в обеденном зале, и мне казалось, что я лежу на дне окопа. А дядя, ворвавшись в траншею, винтовкой со штыком колет проклятых фашистов. И как ему было плохо, когда он убил первого фашиста, вот после чего из обеденного зала раздался глубокий вздох женщин и мужчин.

Женский голос произнес:

– Ведь они тоже люди!

– Нет, не люди, – возразил директор школы, – это нацисты! У них идеология античеловеческая.

Дальше дядя Нил рассказывал про бои под городом Белая Церковь, как был ранен разорвавшейся миной, и мне показалось, что над моим убежищем разорвалась мина. Я почувствовал острую боль в правом коленном суставе и вспомнил, как дядя Нил рассказывал бабушке и маме про ранение, полученное в боях под городом Белая Церковь. Бабушке и маме он рассказывал, как долго лежал в госпитале после ранения, сколько перенес операций по поводу множественных осколков, как ему хотели ампутировать ногу и как он отказался от операции. Коленный сустав у него не сгибался, он хромал на правую ногу, но никогда не считал себя инвалидом, даже не пользовался палочкой, чтобы люди не подумали, что он инвалид.

Среди фронтовиков разгорелся спор. А когда начали кричать «за Сталина! за Родину! за Красную Армию!», я потихоньку выбрался из своего «окопа» и незаметно прошмыгнул на улицу, где меня ждали соседские ребята и брат.

– Ну что, попало тебе за разбитое стекло?

– За стекло не попало, а вот за сахар чуть было не влетело. – И я начал рассказ: о сахаре, о фашистах-нацистах и про бои, в которых я как бы участвовал. – А знаете, ребята, наш дядя Нил – герой, он столько фашистов заколол, целый взвод.

– А взвод – это сколько? – спросил Пахом.

Мой брат, в будущем ученый, сказал:

– Три отделения.

– Ну и силен ваш дядя Нил! – пришли к единому мнению ребята.

Он, действительно, был силен и физически, и морально, имел огромный авторитет и среди простых людей, и среди обремененных властью. Районное руководство, военком, директора школ ценили и уважали дядю, они его звали просто Нил. Советовались с ним по военно-патриотическому воспитанию в школах, по инструктажу допризывников. Наш дядя Нил умел все: чинил любые часы, ремонтировал велосипеды, мотоциклы, автомобили и тракторы.

Бабушка с мамой спрашивали:

– Нил, где ты всему научился?

Он коротко отвечал:

– Армия всему научит.

С ним интересно было всегда.

В конце июня дядя Нил надевает белую рубашку, готовит дымарь, отгоняет дымом пчел, и мы идем с ним в просторный сарай, благоухающий душистым сеном, где уже подготовлена чисто вымытая медогонка.

– Вы, ребята, пока подождите здесь, потом будете вращать медогонку, пойду снимать рамки в ульях.

Пришел дядя Нил, а с ним прилетели жужжащие пчелы. Мы попытались убежать, но дядя спокойным голосом нас остановил:

– На улице их еще больше, да они вас не тронут, они теперь будут кружиться около меда. Теперь крутите, – сказал дядя Нил после того как поставил в медогонку рамки.

Мы по очереди начали вращение ручкой медогонки, даже почувствовали ветер от вращения рамок.

– Ну и славные племянники у меня, – сказал дядя, подставляя ведро для меда. – Ну что, открываем заслонку?

– Открываем! – хором прокричали мы и увидели, как из медогонки полился прозрачный, ароматный мед.

Через двадцать минут было полное ведро меда.

– А теперь давайте попробуем мой рецепт – молодые огурчики с медом.

Дядя Нил разрезает огурец на две половинки, наливает на каждый огурец пахучий мед, и мы едим хрустящий огурец, обильно политый медом, восхищенно поглядывая на дядю. Не было хлеба, но были огурцы с медом.

– Ничего, ребята, скоро будет хлеб и пышные булочки из него.

Однажды мы обнаружили, что дяди Нила уже несколько дней нет дома. Спрашиваем у бабушки, где же наш дядя.

Бабушка полушепотом отвечает, что он уехал на товарном поезде в Украину за мукой:

– Я так переживаю, когда же он вернется. Время послевоенное, опасное для таких поездок.

Дней через десять дядя Нил вернулся с двумя мешками муки. Много не рассказывал о поездке, но было видно, как он похудел, когда брился, были видны резко выступающие скулы.

Бабушка говорила:

– Нил, до чего же ты себя довел!

А он молча точил огромную опасную бритву об офицерский ремень и тщательно выбривал щеки, иногда надувая их. Мы с братом в ужасе ждали, когда закончит бриться, думая, как бы он не порезался. Дядя брился ежедневно. Но ни разу не видели мы, чтобы он даже оцарапался когда-то.

Офицерский ремень с большой, нам казалось, золотой, звездой на бляхе, широкий, кожаный. Это все, что осталось как память о нашем дяде Ниле у его дочери Таисии.

Вот такой у нас был дядя – как стержень земли русской. От него исходила такая сила, что люди, живущие в отдаленных деревнях, приходили к нему за советом и помощью. А проезжающие мимо нашего дома говорили:

– Вот здесь живет Нил Петрович!

Иногда спрашивали нас, детей:

– А Нил Петрович дома?

– Нет, – отвечали мы, – он уехал в район.

Дядя Нил работал и председателем колхоза, и секретарем партийной организации, кроме основной нагрузки участвовал во всевозможных общественных работах безвозмездно. Образ дяди Нила вел нас по жизни в школе, в армии, и мы с детских лет да и всю жизнь старались быть похожим на него. Даже соседские мальчишки хвастались:

– Сегодня в тире мы стреляли, как ваш дядя, и он нас похвалил.

В послевоенные годы многие ветераны были примером для ребят. Разные по характеру, но все они были патриотами и хозяевами земли своей. Потому и разбили германскую машину.

Одним из них был Дмитрий Александрович, или просто Дима. В деревне часто присваивали фамилии по роду занятости. Николаевых называли Кузнецовыми, потому что его дед работал в деревенской кузнице, где Дима помогал ему еще мальчиком. Так вот этот Дима Кузнецов стал нам с братом отчимом, а потом и любимым отцом.

Отчим

Мама и вся семья ждали с фронта нашего папу, Василия Яковлевича. Но годы шли, а его все не было. Мама писала, обивала пороги военкомата, но ответ был один – пропал без вести. Трудно было маме поднимать двоих детей в такое тяжелое время, в молодом возрасте – замуж выходила в восемнадцать лет. Перед войной только стала налаживаться жизнь, после революции и раскулачивания. Еще в школе ухаживал за ней Дима Кузнец, но она вышла замуж за бухгалтера из райцентра. У Николаевых происхождение было пролетарское, а она – дочь кулака, жила в большом кирпичном доме. А что Дима, помощник кузнеца, о чем с ним говорить, о подковах, что ли?

– Вот Василий красавец, всегда опрятный, с кожаным портфелем, – говаривала наша бабушка.

Влюбилась девушка, и стали счастливо жить, детей рожать. А Дима страдал.

Так и остался бы он бобылем, но страшная война смешала все, стерла с лица земли: судьбы людей, села и города, загубила природу. Вся Европа погрузилась в копоть, гарь от горящих машин, разлагающихся трупов людей и животных. Апокалипсис, начало уничтожения жизни на земле. Люди, что вы натворили, загубили жизни не отдельных людей, всего живого. Наплевали на просветителей: Дидро, Руссо, Пушкина, Толстого. И что получили взамен? Можно ли дальше планировать жизнь отдельно взятому человеку?

Наша мама ждала и ждала любимого мужа, отца своих детей, а он все не возвращался.

Дмитрий Александрович попал на фронт одним из первых, служил в артиллерийском дивизионе. Всю войну его дивизион таскал огромные пушки на конной тяге. В атаки он не ходил, о войне рассказывал неохотно. Одним словом, Кузнец – из него живого слова не вытянешь, как говорила бабушка. Дошел с боями до Берлина, его дивизион громил фашистского гада в его логове, как он выражался. Был несколько раз ранен. Но продолжал участвовать в боях все годы войны.

В конце 1945-го Дима Николаев (Кузнецов) вернулся живым и невредимым домой. Никто и подумать не мог, что у него на теле есть какие-то раны. Был он весел, но в делах обстоятелен и чрезвычайно серьезен. Замечательно пел, был душой компании, алкоголь и курение были ему противны. Даже на фронте отдавал табак и спиртное однополчанам, прикатил в деревню на немецком велосипеде с широкими шинами – «Бриллиант» назывался велосипед.

Крестьяне завидовали ему, говорили:

– Ну Кузнец нахапал!

– Зря вы так! Не знаете, сколько вагонов добра тащили из Германии генералы, – отвечал Дима.

Дима с детских лет был чрезвычайно серьезен и честен, не то что украсть – свое, честно заработанное, отдавал. Но когда стал председателем колхоза, мог за колоски, оставшиеся в поле после сборки урожая, отдать под суд, несмотря на послевоенный голод. Сразу после возвращения Дима начал активно ухаживать за нашей мамой, даже понимая, что это безнадежно, все равно оказывал ей знаки внимания. Безрезультатны его ухаживания были потому, что, во-первых, наш папа еще не вернулся с войны, а во-вторых, бабушка считала Кузнецовых низшей кастой, да и мы, дети, каждый день вставали и спрашивали, а где, а когда вернется папа.

Для мамы это был сумасшедший дом, она металась с работы домой, в военкомат. И все мысли были о Васе – где он, что с ним? И вот в январе 1948 года маму вызвали в военкомат и дали на руки письменное сообщение, что ее муж, Киселев Василий Яковлевич, защищая Ленинград, скончался от ран в госпитале города Ленинграда и похоронен на Серафимовском кладбище. Мы с братом, мамой и бабушкой долго плакали, не могли понять, почему же даже раненные вернулись, а наш папа погиб. На следующее утро, просохшие от слез, мы решились

написать письмо товарищу Сталину. Дядя Нил, увидев начало письма, объяснил, что это очень опасно, загребут всех – и меня, и маму.

– Вы лучше стишок про папу напишите.

Мы с братом начали писать, советуясь с бабушкой.

Наш отец

Наш отец не прошел всей войны.
Он в сорок втором погиб в Ленинграде.
Жизнью, отданной для страны,
Борясь с врагом в ленинградской блокаде.
Погиб он за нас. Погибая, верил
В двух малых своих сынов.
Он не пустил в российские двери
Диких нацистских врагов.
Наш отец не знал всей войны,
Был он простым солдатом.
И мы, сыны, часто видим сны,
Окопы, отца с саперной лопатой.
«За что он боролся? Что получил?» –
Мы думали молча у братской могилы.
Любимый отец, твои лучи
Пронзают землю, дают нам силы.
Ты, наш отец, не брал Берлин,
Рейхстаг не брал в сорок пятом,
Со знаменем красным в бою вместе с ним
Лег в землю простым солдатом.
Твои ордена мы не видели, нет.
Тебя схоронили вместе с лопатой.
Но мы, сыны, твой ищем след
По нитям памяти, в сорок пятом.
Письма твои вошли в наши сны,
Их будем беречь до могилы.
Любимый отец, твоей нет вины,
Что рано ушел, наш милый.
Ты и бойцы на хребет наступили
Фашистам, и нет лучше снов,
Машину вермахта разгромили,
Избавили нас от ига оков.

Молодежь, пришедшая с войны, собиралась в клубах на танцы, всевозможные собрания. Песни и смех слышались по вечерам, только не было среди них нашего папы. Мы с братом уже два года учились в школе, когда в марте 1950-го узнали, что мама собралась замуж за Кузнецца. Для нас это был шок. Как же так? Папа погиб на войне, а мама предала его.

Мы кричали и плакали:

– Не хотим нового папку, мы никогда не полюбим Кузнецца!

Бабушка собрала нас в маленькой комнате и долго объясняла, как трудно маме нас воспитывать, что мальчикам нужен серьезный мужчина, чтобы не выросли хулиганами и оболтусами.

– Вот Дмитрий Александрович как раз такой... – говорила она.

– Бабушка, ты же сама рассказывала, что он из какого-то другого круга, – возражали мы.

– Да, это было до войны, а война сплотила всех, вы видите, какая теперь молодежь, все сравнялись – кузнецы, колхозники, учителя, все вместе в труде, на отдыхе, на праздниках. Хочу вам больше сказать. Дима купил дом около леса – Закаюшки называется, там и речка. А воздух какой там чистый, вдали от тракта... – объяснила бабушка.

– Бабушка, а можно мы его не будем называть папой? – спросили мы.

– Это как ваше сердце подскажет, только не обижайте его, ведь он один, а вас двое.

– Трое, с мамой, – возразили мы.

– Время покажет, – подытожила бабушка и ушла готовить ужин.

Весной переехали мы с мамой и новым папой на окраину деревни, в старый деревянный дом с большой русской печью. В те времена у всех в деревне была огромная русская печь, в ней готовили, на ней спали, излечивались в случае болезни, отогревались в сильные морозы.

Наступило первое лето, когда мы начали осваиваться на новом месте. Появились новые друзья, с которыми мы проводили все дни напролет. Лес, речка, появилась собака Пальма, дворовая, но очень сообразительная и ласковая, только с одним недостатком – очень часто ценилась. Нам было интересно наблюдать, как растут щенки, кормить их и воспитывать.

Мама и отчим целыми днями работали. Утром, уходя на работу, мама оставляла нам по куску хлеба, два вареных яйца и газету «Правда». Летом книг мы не читали, но газету зачитывали до дыр. Тяга к газете была потому, что наш отчим Дима ежедневно читал ее и делился с нами новостями, а мы хотели понравиться ему, делая вид, что тоже интересуемся политикой.

Теперь точно и вспомнить сложно, когда мы стали называть его папой. Как-то утром, проснувшись, мы увидели два пучка крупной земляники. В обед пришла мама, мы спросили:

– Мам, это ты принесла нам утром землянику?

– Да нет, это папа принес утром. Косил сено и набрал, – ответила она.

Очевидно, с тех пор мы и нашли путь к сердцу друг друга.

А дальше в нашей совместной жизни и до совершеннолетия мы его только папой и звали. Был он хоть и немногословный, но очень добрый и миролюбивый человек. Вывести из себя его было невозможно.

Мама говорила:

– Митя, ты бы хоть курицу научился зарубить!

Папа пойдет попросит соседа, и тот зарубит курицу. А уж если надо зарезать свинью, то он закроется в доме, чтобы не слышать визга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.